

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, кавалерия (конница) (от лат. *caballus* — «конь») — это род оружия (род войск), в котором для боевых действий или передвижения использовалась лошадь. Конница прошла долгую эволюцию. На ее развитие наложило отпечаток совершенствование огнестрельного оружия, развитие стратегии, оперативного искусства и тактики. Но в начале 20-го века она продолжала оставаться одним из главных родов войск.

Конница являлась элитой вооруженных сил.

Как отмечал командир 10-го гусарского Ингерманландского полка полковник В. В. Чеславский, с одной стороны, «пехотная дивизия составляет 16 000 штыков, то есть в десять раз больше кавалерийской. Будучи сильнее количеством, пехота всегда слабее кавалерии качеством, благодаря тому, что по мобилизации в пехоту вливалось 50% запасных офицеров и солдат, часто престарелых и забывших строй и вообще военную подготовку. Кавалерия же выходила на войну в том же составе, какой был в мирное время.

До войны солдату в пехоте служить было гораздо легче, чем в кавалерии: пехотинец служил на военной службе три года, знал только свою пехотную службу да винтовку; вставал в 6 часов утра, начинал занятие в 8, имел два часа послеобеденного отдыха и в 5 часов вечера уже был свободен.

Кавалерист служил 4 года; кроме специальной и сложной кавалерийской службы, он должен был быть хорошо обучен пешему строю и стрельбе; у него была на руках не только его лошадь, но и лошади отсутствующих: по болезни, в отпуску или в нарядах сослуживцев, которых он обязан кормить и чистить; а всякий знает, как строго и аккуратно смотрели за лошадьми в коннице: их вовремя поили и кормили три раза в день и два раза чистили, так тщательно, пока, проведя белым носовым платком против шерсти, на нем не будет и следа пыли, тогда только лошадь считалась вычищенной; кроме того, чистка седел, амуниции и металлических предметов требовала много времени и кавалерист ежедневно вставал в 4 часа утра, был занят до семи часов вечера, включая и праздники.

Но во время войны роли менялись: пехотинец совершал походы пешком по грязной или снежной дороге, нагруженный тяжелым вьюком, крайне переутомлялся и часто натирал ноги до крови, ночевал зимой в палатках и часто простуживался; за невозможностью подвести вовремя походные кухни часто недоедал.

Кавалеристу было легче: он ехал верхом, свободный от тяжести вьюка, и не так уставал, как пехотинец, всегда ночевал в деревне, меньше сидел в окопах и почти никогда не голодал; даже если кухни опоздают, кавалерист, идя впереди, первым заходит в деревни или города, где всегда можно достать пищу для себя и корм для лошади. Кавалерия имела больше денежных средств, делая экономию на фураже, благодаря чему имела возможность приобрести вовремя для солдата то, что опаздывало доставлять интендантство»¹.

Не зря генерал А. Н. Куропаткин писал: «Чего не могла сделать пехота, то делает кавалерия». Между прочим, эти слова были вызваны следующими обстоятельствами, относящимися к событиям Русско-японской войны: «Осенью 1904 года кавалерия была выдвинута вперед для прикрытия русской армии, идущей от Ляояна к Мукдену. Конный корпус ген. Мищенко, у которого тогда я командовал сотней казаков, занял позицию в центре, пересекая Мандаринскую и железн. дорогу. Против нас японцы заняли весьма важный тактический пункт. Куропаткин решил отобрать эту позицию и приказал Мищенко сделать усиленную рекогносцировку и донести, может ли пехотный корпус выбить японцев из указанной позиции. Сделав рекогносцировку, Мищенко донес, что японцы занимают позицию одной дивизией и что корпусу будет не трудно ее занять. Пришел назначенный корпус, обстрелял японцев артиллерией, пытался наступать, но был японцами отбит и донес, что японцы занимают позицию большими силами и донесение Мищенко неправильно.

Мищенко был вызван в штаб армии, где получил здоровый нагоняй, и вернулся назад очень расстроенный и обиженный. Собрав командиров частей, рассказал, что его обвиняют в ложном донесении, и, чтобы доказать свою правоту, приказал коннице наступать и овладеть позицией. Мы все любили Мищенко и решили его реабилитировать взятием позиции во что бы то ни стало. Одна наша дивизия пошла с фронта, а другая была пущена в обход японского фланга. Японцы не выдержали и отдали нам не только эту позицию, но и вторую, лежащую верстах в трех дальше. После этого и был отдан вышеупомянутый приказ Куропаткина»².

В Первую мировую и Гражданскую войны боевая деятельность конницы еще в большей степени подтвердила верность куропаткинской оценки.

Кавалерия являлась мобильным родом войск. Она решала важнейшие вопросы, требующие повышенной оперативной подвижности: действовала в прорывах, преследовала противника, выполняла разведывательные и охранные функции, совершала рейды и наносила быстрые и сильные удары.

Здесь следует отметить, что бой начала 20-го века, характерной особенностью которого стала могучая техника, оказал огромное влияние на пехотную и артиллерийскую тактику — серьезно скорректировав как формы тактического построения частей и соединений этих родов войск, так и способы их действий в бою. Применительно к кавалерии техника огневого боя не только изменила тактические формы применения конницы, но и затронула вопрос о роли и значении кавалерии в обстановке современной войны — как на ТВД, так и непосредственно на поле боя.

И специалисты, вместо того чтоб разобраться в сущности появляющейся технической новинки, кидались в крайности — начиная сомневаться в возможностях конницы действовать в обстановке современной войны.

Дальнобойность и скорострельность оружия, проявившаяся в ходе Англо-бурской войны, привела к появлению в 1902 г. ряда статей французского генерала Негрие. Опровергая сформировавшиеся взгляды на задачи и значение кавалерии, генерал писал чуть ли не о превращении конницы в ездящую пехоту. Результат Русско-японской войны также сыграл немалую роль в начавшейся переоценке значения конницы. Превосходство русской конницы над японской не помешало японцам выиграть войну — и это дало повод противникам конницы говорить об уменьшении значения последней в условиях современных боевых действий и вызвало полемику между представителями военно-научной мысли — как в России, так и в Европе.

Так, Бонналь считал, что в грядущей войне армия, обладающая превосходной кавалерией, будет владеть театром военных действий и господствовать над неприятелем. А Кесслер писал, что от качества кавалерии зависит судьба армии. По мнению Ланглуа, новое оружие так увеличивает значение кавалерии, что государства доводят этот род войск до норм, допускаемых конными ресурсами. Данная тенденция обнаруживается перед Первой мировой войной в Германии.

Наряду с упомянутыми авторами и русские авторитеты тех лет — Брусилов, Залесский, Матковский и др. — рассматривали проблему роли и значения кавалерии.

Резюмируя взгляды специалистов, существовавшие до Первой мировой войны относительно применения конницы на ТВД и поле боя, мы увидим, что специалисты учитывали мощь огневой техники, отмечая значение, которое должно было оказать это явление на правильное использование конницы. Ф. Бернгарди в своем труде «Современная война» отмечал, что считает устаревшим тот взгляд, что главная задача конницы заключается в проведении атак, в то время как ведение боя в пешем строю допустимо лишь в крайнем случае. Этот взгляд, как считал специалист, сковывает многофункциональность конницы.

Естественно, что с усовершенствованием оружия, и в особенности с введением пулемета, конные атаки стали возможны лишь в определенной обстановке. Но конница упорствовала, предпочитая искать решающего успеха с помощью конной атаки — причем даже над нерасстроенной пехотой противника (и у русской конницы это хорошо получалось). Но в любом случае практическое обучение конницы отставало от выводов теоретиков.

И во всех армиях ключевых европейских государств (Франции, Германии, Англии, России) вышеупомянутые взгляды военных авторитетов в жизнь не проводились — и тактическое обучение, и организация конницы строились в духе проведения конных атак. Желание сократить время губительного воздействия огнестрельного оружия, пока пики и шашки к нему несутся — быстрота движения, — вот прием, избранный конницей для состязания с пехотой.

Но, несмотря ни на что, мобильный род войск внес более чем существенную лепту в ход событий Первой мировой войны, а для событий Гражданской войны в России именно действия конницы (надлежащим образом сконцентрированной и управляемой) имели решающее значение.

Конница — многофункциональный род войск. Кавалеристы и казаки одинаково успешно действовали в конном и пешем строю, применяли все виды оружия и военной техники, активно взаимодействовали с собратьями по оружию.

В предлагаемой читателю книге мы не ставим перед собой цель досконально рассмотреть вопросы организации (тем более что этому посвящена замечательная работа В. И. Карпеева) и формы оперативного и тактического применения конницы на различных уровнях. Мы кратко формулируем особенности тактического и оперативного

применения кавалерии в годы Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн в России, останавливаясь на наиболее интересных аспектах вклада русской конницы в боевые действия указанных военных конфликтов, при этом выделяя специфику кавалерийской борьбы.

Особое внимание уделяем ударной роли конницы в годы Первой мировой войны (до сей поры является недооцененным аспектом применения именно русской конницы), рассматривая кавалерийские атаки в рамках кампании 1914 г. (при Каушене, у Замостья и Дуба, у Ярославце, Городка, Бучача, Хмельников, Колюшек, Ардагана), кампании 1915 г. (у Прасныша, Олещице, Нерадово, Городенки, Баламутовки—Ржавенцев, Шавли, Дубиссе, у Попелян) и кампании 1916 г. (у Юрковца, Волчецка, Рудка-Червище и др.). К слову, ряд архивных материалов (например, описание конной атаки 19-го драгунского архангелогородского полка 18 июля 1915 г. у Грабово) вводится нами в научный оборот впервые.

А затем мы посмотрим на применение конницы в годы Гражданской войны (когда конница переживает ни с чем не сравнимый рост результативности своих действий) и на некоторые интересные аспекты ее применения.

Все в комплексе, мы надеемся, поможет читателю сформировать свое видение того, чем же была отечественная конница в 1-й четверти 20-го века для вооруженных сил и нашей страны в целом.

Глава 1

КОННИЦА В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

§1. ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЙ КОННИЦЫ

В 1901 г. конница русской армии состояла из 102 полков (12 гвардейских, 54 драгунских и 36 казачьих), из которых 85 входили в 24 дивизии (2 гвардейские, 17 кавалерийских и 5 казачьих) и в 5 отдельных бригад (2 кавалерийские и 3 казачьи). Число действующих эскадронов и сотен в соединениях конницы равнялось 600. Один драгунский и 16 казачьих полков в состав дивизий и бригад не входили³.

В конце 19-го века военное руководство России вернулось к мысли, что для решения конницей более широких задач ее необходимо сводить в более крупные, чем дивизии (усиливавшие армейские корпуса), соединения, и в Варшавском военном округе было начато формирование кавалерийских корпусов. В 1896 г. был образован 1-й кавалерийский корпус, а через год — 2-й. В 1-й корпус вошли 13-я и 14-я кавалерийские дивизии, в состав 2-го корпуса — 15-я кавалерийская и Сводная кавалерийская дивизии (последняя составлена из 3-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и 3-й отдельной кавалерийской бригады). В 1902 г. 1-й кавалерийский корпус составили 5-я и Сводная кавалерийские дивизии, 2-й кавалерийский корпус — 6-я и 15-я кавалерийские дивизии. Освободившиеся 13-я и 14-я кавалерийские дивизии вошли в 15-й и 5-й армейские корпуса соответственно.

Во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. конница применялась ограниченно. Так, для участия в боевых действиях была сформирована Уральская казачья бригада (4-й и 5-й Уральские казачьи полки), Забайкальская казачья дивизия (2-й Верхнеудинский, Читинский, Нерчинский, Аргунский полки Забайкальского казачьего войска), развернуты казачьи дивизии второй очереди: Оренбургская (9, 10, 11 и 12-й Оренбургские казачьи полки), Сибирская (4, 5, 7 и 8-й Сибирские казачьи полки) и 4-я Донская (19, 24, 25 и 26-й Донские казачьи полки). Вскоре Забайкальская и Уральская казачьи бригады были переформированы в Урало-Забайкальскую сводную казачью дивизию. Два конно-инородческих полка (2-й Дагестанский

и Терско-Кубанский конные) составили Кавказскую конную бригаду, а три других казачьих полка (1-й Нерчинский Забайкальского казачьего войска, 6-й и 9-й Сибирские) — Приамурскую сводную казачью бригаду. Из полков, входящих в Терскую казачью бригаду и 1-ю Кавказскую казачью дивизию, и Кубанского казачьего полка, находящегося вне дивизий, была составлена Сводная Кавказская казачья дивизия (1 Кизляро-Гребенской и Сунженско-Владикавказский полки Терского, 1 Уманский и Екатеринодарский полки Кубанского казачьего войска). Для усиления 2-й отдельной кавалерийской бригады в нее был включен 10-й конно-артиллерийский дивизион (11-я и 20-я конные батареи).

В ноябре 1904 г. после образования трех Маньчжурских армий конница между ними распределилась следующим образом: 1-я Маньчжурская армия — Уссурийская конная бригада, Сибирская и Забайкальская казачьи дивизии; 2-я Маньчжурская армия — 4-я Донская казачья дивизия, 2-я бригада Оренбургской казачьей дивизии и 2-я отдельная кавалерийская бригада; 3-я Маньчжурская армия — Урало-Забайкальская сводная и Сводная Кавказская казачьи дивизии и Кавказская конная бригада⁴.

Со второй половины 1904 г. существовала Конная группа, включавшая в себя Урало-Забайкальскую сводную казачью дивизию и Кавказскую конную бригаду. Эта группа дополнялась 2-й отдельной кавалерийской бригадой (декабрь 1904 г.), 4-й Донской (декабрь 1904 г. — февраль 1905 г.) и Сводной Кавказской (март—июль 1905 г.) казачьими дивизиями. В июле 1905 г. Конная группа была преобразована в Сводный кавалерийский корпус — в составе Урало-Забайкальской и Сводной Кавказской казачьих дивизий.

После завершения войны в 1906 г. все второочередные казачьи дивизии, Приамурская казачья и Кавказская конная бригады были расформированы — и вновь собрана в предвоенном составе Уссурийская конная бригада: Приморский драгунский полк, Уссурийский казачий дивизион (Уссурийский казачий полк в мирное время сокращался до дивизиона), 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска и 1-й конно-горный артиллерийский дивизион. Забайкальская казачья бригада была дополнена еще одним полком, и в ее состав вошли 1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский и 1-й Аргунский полки Забайкальского казачьего войска и Забайкальский казачий артиллерийский дивизион (1-я и 2-я Забайкальские казачьи батареи). Организационно Уссурийская конная бригада вошла в 1-й Сибирский армейский корпус, а Забайкальская казачья бригада — во 2-й Сибирский армейский корпус. Необходимо отметить, что Забайкальская казачья

и Уссурийская конная бригады только на один полк отличались от дивизии. Закаспийская казачья бригада также была близка к дивизии, кроме основного состава из двух полков имея в подчинении прикомандированные Туркменский конный дивизион и две сотни 1-го Астраханского казачьего полка.

В Русско-японской войне повторилась печальная практика Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда вместо самостоятельного применения кавалерийских соединений имело место их раздергивание по отрядам. Война не дала поучительных примеров массового использования конницы. Оргвыводом стало упразднение в октябре 1906 г. 1-го и 2-го кавалерийских корпусов (входившие в них кавалерийские дивизии стали входить в армейские корпуса: 4-я и 6-я — в 6-й, 5-я и 14-я — в 5-й, 7-я и 13-я — в 19-й, а 15-я и Сводная — в 15-й). В январе 1907 г. были расформированы Сводный кавалерийский корпус и входившая в него Сводная Кавказская казачья дивизия. Прекратила существование Терская казачья бригада (1-й Сунженско-Владикавказский полк был направлен во 2-ю Кавказскую казачью дивизию, а 1-й Кизляр-Гребенской полк подчинен наказному атаману Терского казачьего войска). Тогда же была расформирована Сводная кавалерийская дивизия (при этом армейские полки вновь составили 3-ю отдельную кавалерийскую, а гвардейские — Отдельную гвардейскую кавалерийскую бригады).

Наконец, в декабре 1907 г. в регулярной кавалерии полкам были возвращены прежние наименования и номера, бывшие у них до реформы 1882 г. После этого в каждой из пятнадцати номерных кавалерийских дивизий вновь имелись драгунский, уланский и гусарский полки, номера которых совпадали с номером дивизии. В Кавказскую кавалерийскую дивизию по-прежнему входили три драгунских полка (16-й драгунский Тверской, 17-й драгунский Нижегородский, 18-й драгунский Северский). Отдельные кавалерийские бригады стали состоять из: 1-я бригада—19-го драгунского Архангелогородского и 16-го гусарского Иркутского полков, 2-я бригада — 17-го Черниговского и 18-го Нежинского гусарских полков, 3-я бригада — 16-го Новоархангельского и 17-го Новомиргородского уланских полков.

Теперь остановимся на формах применения русской конницы и одновременно охарактеризуем наиболее значимые дела последней в Русско-японскую войну.

§2. ПРИМЕНЕНИЕ РУССКОЙ КОННИЦЫ

2.1. Стратегические рейды конницы в Русско-японскую войну

В годы Русско-японской войны даже относительно немногочисленной коннице русской действующей армии пришлось в основном бездействовать — благодаря неверному пониманию кавалерийских задач высшим армейским командованием. Во время боев она редко была объединена в одних руках и получала чисто кавалерийские задачи. Вне периодов боев занималась главным образом службой на передовых постах и ближней разведкой.

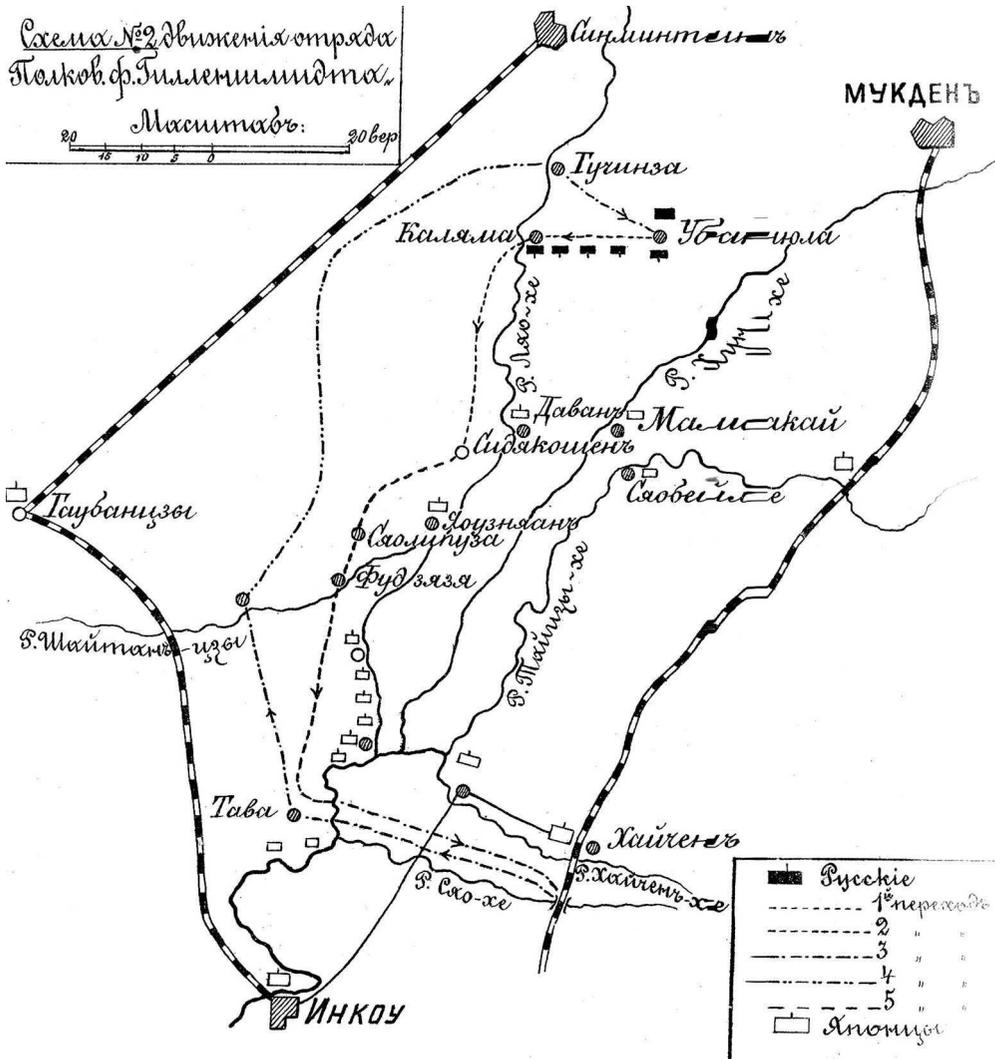
На левом фланге Маньчжурского ТВД действиям конницы препятствовал гористый и пересеченный характер местности, тогда как на правом, наоборот, условия местности были более благоприятны для широких действий конных масс. Поэтому те немногие чисто кавалерийские задачи, которые получила русская конница, имели целью действия против левого фланга и тыла противника. Таковы два набега (рейда) конных отрядов под командованием генерал-лейтенанта П. И. Мищенко на Инкоу 27 декабря 1904 г. — 2 января 1905 г. и за Факумынь 4—11 мая 1905 г., а также набег летучего отряда полковника Я. Т. Гилленшмидта к Хайченскому мосту 5—10 февраля 1905 г. Кратко их сравним.

Местность театра военных действий (ТВД) представляла собой богатую запасами открытую равнину, но коммуникационная линия японцев (железная дорога) и тыловые учреждения были прикрыты с левого фланга системой р. Ляохе и ее притоков. Реки эти хотя в то время и замерзли, но, имея крутые берега и будучи укреплены от весенних разливов высокими валами, были не везде проходимы. После Инкоуского набега японцы охраняли все броды на р. Ляохе, и во время Хайченского набега пришлось совершить переход через р. Ляохе в настолько болотистом и труднопроходимом месте, что переправа даже не наблюдалась японцами, «местность представляла здесь из себя сплошное болото, еще плохо промерзшее, пришлось спешиться, лошади скользили, падали и проваливались»⁵.

Во время майского набега условия были более благоприятны, так как больших рек, прикрывающих слева тыл японской армии Ноги, не было. Местность также представляла собой совершенно открытую равнину, переходившую на западе в Монгольскую степь с песчаными барханами, которые способствовали скрытному движению конных масс, а на востоке около г. Факумыня и восточнее первой коммуни-

5 транспортов в 1500 вьюков. Вьючение 5 лошадей одним проводником было крайне затруднительно и отнимало много времени. Состав проводников был набран из нестроевых пехотного запаса и представлял из себя недисциплинированную толпу (объясняя присоединение к отряду подобного транспорта возможностью продовольственных затруднений во время набега нельзя, так как задолго до набега информация генерала Телешева и пограничников Ляохейского отряда подтверждала факт, что долины Ляохе и Хунхе изобиловали фуражом).

Рейд полковника Гилленшмидта в годы Русско-японской войны.